

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

1917

**ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ –
ДВА ПРОЕКТА**

Уроки истории

Сергей Кара-Мурза

1917. Две революции – два проекта

«Алисторус»

2017

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)6

Кара-Мурза С. Г.

1917. Две революции – два проекта / С. Г. Кара-Мурза —
«Алисторус», 2017 — (Уроки истории)

ISBN 978-5-906979-64-3

Возможен ли хрестоматийно ясный взгляд на причины, движущие силы и саму суть революций 1917 года в современной России? Отношение общества, претерпевшего культурную травму в процессе краха СССР, к тем историческим событиям, считает автор книги, перегружено эмоциями и драматическими образами прошлого. С. Г. Кара-Мурза предлагает перевести важное обсуждение двух больших стратегических проектов – Февральской и Октябрьской революций – в плоскость рациональных понятий. «Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее, – считает автор и подытоживает: – Это – наша национальная задача».

УДК 94(47)"1917"

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906979-64-3

© Кара-Мурза С. Г., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Предисловие	5
Предыстория: меньшевики и большевики	11
Русский либерализм. Кадеты	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25
Комментарии	

Сергей Кара-Мурза

1917. Две революции – два проекта

Предисловие

2017 год было решено сделать юбилеем: 100-летие «Великой российской революции». Президент В. В. Путин в Послании 2016 г. высказал важное суждение: «Наступающий, 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революции. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, учёных – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий... Уверен, что ... уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. ... Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

Центральной темой всех памятных мероприятий должно стать примирение между потомками белых и красных. Но эта программа очень сложна и рискованна. С самого начала инициативы юбилея было трудно определить *смысл названия*: «100 лет Великой российской революции». Откуда возникла эта формула? Что историки и политики называют «Великой российской революцией»? Уже в 70-е годы XIX века Маркс и Энгельс в полемике с русскими народниками разглядели, что в России параллельно назревали *две* революции – не просто различные, но и *враждебные* друг другу.

На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные векторы и цели были принципиально различны. Позже Маркс и Энгельс пришли к убедительному выводу и внятно изложили в текстах:

– Маркс и Энгельс *поддерживали* революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю. Это революция, расчищающая путь для развития капитализма; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

– Маркс и Энгельс *отвергали* рабоче-крестьянскую революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути развития капитализма.

Эти две революции и состоялись в России. Первой была Февральская революция 1917 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов (кадетов, меньшевиков и эсеров) это была *прогрессивная* революция. Вторая – Октябрьский переворот 1917 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов – *реакционная контрреволюция*. Против Октябрьской революции они *с помощью Запада* развязали Гражданскую войну. Более того, они призывали левые «прогрессивные силы» Запада к Крестовому походу против Советов, а после поражения в Гражданской войне пытались организовать террористическую борьбу.

Понятно, как сложно для историков соединить в название «Великая российская революция» *две* разные революции, которые столкнулись в Гражданской войне. Более того, в этой колоссальной и противоречивой Революции произошло столкновение *нескольких* проектов развития России. Государственность, общество и национальная система России как цивилизации оказались на распутье перед несколькими историческими выборами.

Главные из больших стратегических проектов можно выделить: консервативный (Столыпинская реформа), буржуазно-либеральный (Февральская революция), советский (Октябрьская революция), а также ряд важных движений, неустойчиво примыкавших к этим проектам (монархисты и националисты, меньшевики и эсеры, анархисты и заинтересованные внешние силы).

Советская власть и Белое движение в Гражданской войне создавали сложные коалиции и породили на всей территории (и даже за рубежами) процессы экстремальной интенсивности. Известно, что революции – это катастрофы. Они – крайние способы вырваться из исторической ловушки, попытки прорыва порочных кругов противоречий ценой бедствий и страданий. Тот факт, что российская революция обрела общенародный масштаб и имела сложную структуру, предопределил не только огромные потери, но и стал источником бесценного нового («пост-классического») знания.

На этом знании произошла новая сборка народов и земель исторической России в форме СССР. В новых социальных и культурных формах были проведены индустриализация и модернизация села. На этой основе был создан «сплошной научный и технический фронт», который обеспечил победу в Великой Отечественной войне, а позже позволил построить надежный щит обороны. Из этого видна сложность системы нашей революции – разнообразие доктрин больших проектов и мобилизация культурных и духовных ресурсов произвели великий синтез, даже в столкновении ценностей и идеалов. Каждый проект, реализуя себя на практике, был *критическим экспериментом* (*experimentum crucis*) и обогатил своих противников необходимым опытом. Поэтому сейчас, через 100 лет, мы можем назвать эту катастрофу и возрождение из нее страны Великой Российской революцией.

Всё это историки знают досконально, они только разделились в личных оценках этих двух революций. В результате во время перестройки вновь сложились две враждебные общности, которые разошлись и стали непримиримыми. Это состояние чревато многими рисками, которые могут обернуться угрозами для всех общностей России. Задача нейтрализовать эти риски очень непроста потому, что в процессе краха СССР общество претерпело культурную травму, и отношения к двум революциям 1917 г. сейчас нагружены эмоциями и драматическими образами прошлого.

Власть, политическая система и наука должны найти формы, в которых группы нашего общества смогли бы высказаться и вести диалог в контексте *революции как культуры* и в научной плоскости – *революции как развивающейся системы*. Хотя это будет непросто, мы не должны подменить фундаментальные научные и мировоззренческие проблемы политической акцией. Этим займутся политические партии.

Другое дело в том, что цели этой программы пока что внятно не объяснены. Такая «встреча на юбилее» – явление гораздо более сложное, чем ожидают наши ведомства. Минкульт утверждал, что цели акции – «подчеркнуть наше российское величие и значение для мира, а с другой стороны – усилить единение российского общества и обеспечить национальное примирение». В декабре 2016 г. организаторы юбилея сообщили газете «Коммерсантъ»: «Выдвигаются разные концепции годовщины, в том числе радикальные – в пользу белых или красных. РИО (Российское историческое общество) выдвигает взвешенную позицию осмысления тех событий и примирения, насколько это возможно. РИО не станет местом, где будут сводиться исторические счеты. ...О необходимости найти “платформу национального примирения” неоднократно говорил и Владимир Мединский, в частности на круглых столах Российского военно-исторического общества (РВИО), которое уже год проводит мероприятия к грядущему юбилею».

Такие, ничем не аргументированные надежды и декларации принять за цели всерьез нельзя. Значит, надо подключаться тем частям нашего травмированного общества, которые способны организоваться, чтобы не дать эмоциям выйти из-под контроля. Вспомним, чем обернулось для народов постсоветских республик принятие закона о «репрессированных народах» и какие эффекты он еще порождает.

В СМИ один обозреватель (доцент НИУ ВШЭ П. Родькин) заметил в ноябре 2016 г.: «Столетие революции – это слишком мощная символическая дата, чтобы ее можно было каким-то образом обойти или не заметить, особенно учитывая то, что она поднимает ряд акту-

альных социальных вопросов. Поэтому естественно, что так или иначе тема столетия революции властями будет подниматься, причем, на мой взгляд, с однозначным знаком “минус”. В следующем году мы еще увидим и услышим огромное количество фальшивок, клеветы и нападок по отношению к большевикам и всему советскому, поскольку современным политическим классом Октябрьская революция воспринимается как враждебный и социально чуждый проект...

Во многом в этой дискуссии господствует навязанная упрощенно негативная трактовка событий 1917 года, возникшая во время перестройки и в девяностые годы. ... Эта пропагандистская со знаком “минус” повестка действительно ничего нового не открывает и отвлекает от существенных вопросов, переключая внимание на третьестепенные проблемы. Попытка внедрить или опровергнуть многочисленные фейки уводит от понимания смысла тех событий, их социальной сути»^[1].

Другой политолог и публицист, Ф. Крашенинников, сказал тоже в ноябре 2016 г. так: «Уже скоро российским властям придется столкнуться на этом пути с серьезным вызовом – столетием Октябрьской; ни одна из трактовок революции 1917 года не укладывается в рамки нынешнего мифотворчества российских властей...

Грядущее столетие революции является серьезным идеологическим вызовом для нынешней власти, и кремлевским политологам и историкам будет непросто подгонять столетие революции под нужды современной пропаганды. ... Как может юбилей пройти? Весь 17-й год – это целый год неудобных юбилеев. Сначала будет юбилей Февральской революции, Корниловского мятежа, выборов в Учредительное собрание, потом Октябрьская революция, потом рождение ЧК. ... Замолчать это не удастся, потому что непонятно, о чем, собственно, тогда говорить, если не об этом. Никто же не заставлял их тащить историю в повседневность»^[2].

Председатель оргкомитета юбилея ректор МГИМО А. Торкунов предупредил: «Мы исходим из того, что эта тема не должна стать поводом для раздора и обострения в обществе». Ну, раз «тема не должна» вести себя плохо, то, конечно, на нас снизойдет гражданское согласие – МГИМО знает. Но это, скорее, благие пожелания. А что, если вместо единения и примирения, наоборот, углубится раскол?

Как сообщила пресса, в Администрации Президента полагали, что любые усилия по смысловому наполнению годовщины революции в России – исключительно «прерогатива научного сообщества». Так не получится. Эта программа неизбежно проектировалась и оформлялась решениями не как событие научно-просветительское и культурное, а как сложное *политическое действие*. Причина для этого в том, что предполагаемые риски проявляются и будут проявляться не в научной, а в политической сфере.

Вот реальное состояние проекта. 23 января 2017 г. состоялось первое заседание оргкомитета по юбилею революции, там уточнили, что комитет этот общественный, а не государственный. Ход работы этого «негосударственного» комитета осветила Парламентская газета, ее обзор называется: «Наследие 1917-го: пришло время лечить “национальную травму”. Парламентарии и эксперты надеются, что столетие революции в России станет поводом прекратить противостояние в обществе».

Можно ли назвать комитет «парламентариев и экспертов» негосударственным? Вот выступает глава Комитета Госдумы по образованию и науке В. Никонов (по совместительству декан факультета государственного управления Московского государственного университета) – он представляет не государство?

Выступает директор Института российской истории РАН Ю. Петров. Он уточнил, что формулировка «Великая русская революция» не означает позитивного отношения к случившемуся, а лишь подчёркивает его масштаб. Это странно! Историк (гуманитарий!), называя русскую революцию «Великой», оценивает ее *количеством*, а не *качеством*. Позитивное отношение? Ни в коем случае. А негативное отношение разрешается? Скажите нам прямо, уважае-

мые «парламентарии и эксперты». Может быть, Институт российской истории РАН предложит называть Великим нашествие Наполеона – это «лишь подчёркивает его масштаб», и никаких оценок?

Так оргкомитет добивается общественного примирения и согласия в противостоянии различных оценок происшедшего. «В этом – надежда нашего профессионального сообщества», – подчеркнул Ю. Петров.

В. Никонов утверждает: «важен профессиональный анализ, а не хлёсткие политические оценки». Что считается «профессиональным» – измерение масштаба? А может, именно требуемые «политические оценки»? Тут встает председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Я. Нилов (ЛДПР) и профессионально дает хлёсткую политическую оценку: то, что предлагают называть сегодня «Великой русской революцией», – произошедший сто лет назад незаконный захват власти в России.

Конкретно он сказал: «Это был госпереворот, одна из первых “цветных” революций в истории. Последствия её мы ощущаем до сих пор: именно тогда подорвали духовно-нравственные основы государства, интеллигенция была уничтожена, начался геноцид верующих, раскулачивание, потом голод, репрессии. ... В сельском хозяйстве мы так и не можем выйти на тот потенциал, которым обладали в 1913 году. В целом всё, что сделано в 1917 году с Россией, сделано в интересах и на деньги зарубежных государств»^[3].

Парламентская газета не сообщает, были ли «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Вот такие у нас председатели Комитетов Госдумы, особенно «по труду, социальной политике и делам ветеранов».

Но больше всего поражает, что видные историки считают мероприятие «столетия Революции» простым делом. Они если и предполагают какие-то неприятности, то от политиков. Академик А. О. Чубарьян заявил: «Информационные войны ведут не профессионалы, не историки». Это иллюзия.

Разве он не знает профессора МГУ, МГИМО и РГГУ академика Ю. С. Пивоварова или профессора МГИМО А. Б. Зубова? Они ведут именно идеологические информационные войны. И таких историков – легион. Тем не менее А. О. Чубарьян утверждает: «У нас есть академические институты, есть факультеты и кафедры истории в университетах, которые способны справиться с любыми попытками искажения истории».

Неужели это всерьёз? Вот профессор и историк Б.В. Соколов утверждает, что общее число погибших советских военнослужащих в ВОВ – 26,4 млн человек, а немцы на Восточном фронте якобы потеряли всего 2,6 млн (то есть соотношение потерь 10:1). Почему же РАН не «справилась с этими попытками искажения истории»? Этот историк публикует книги, выступает на телевидении, а за ним и академик РАН А. Н. Яковлев, по словам В. В. Познера, «говорит о 27 миллионах погибших солдат именно, то есть военных».

Несмотря на это, А. О. Чубарьян уверен, что «история революции 1917 года сегодня – это тема для дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе».

Ну, какие сейчас могут быть «дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе»? Это профанация. Профессионалы и в истории, и во всем обществоведении ориентированы не на истину (как в науке), а на нравственные ценности (как в идеологии). Именно дефицит объективности и беспристрастности был важным фактором краха как Российской империи, так и СССР. А сейчас кризис методологии гуманитарной интеллигенции еще более углубился.

Объективного анализа двух наших революций от дискуссий широкой публики уж тем более ожидать нельзя. Видный социолог так определяет состояние общества (2012): «Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому

дискомфорт. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России»^[4].

Российское «общество спектакля», созданное телевидением, и мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», так резко усилили давление на человека, что это стало острой проблемой, особенно при наступлении «третьей волны» кризиса. Австрийский философ Карл Краус афористично выразился о капиталистической правящей верхушке: «У них – пресса, у них – биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

В научном совете Совета безопасности было принято утопическое решение о необходимости в течение года 100-летия революции «противостоять попыткам намеренного искажения этого и других важнейших периодов в российской истории». Каким прибором Совет безопасности будет определять, намеренное искажение совершают профессор Б.В. Соколов и академик А.Н. Яковлев или искреннее, по незнанию? И чем искренние попытки искажения фактов лучше намеренных? Почему искажению из-за невежества не надо противостоять? Все это решение научного синклита выглядит крайне странно.

Не может быть проблема консолидации общества «прерогативой научного сообщества». Это национальная проблема и одна из главных функций государства. А данный момент установок для интерпретации истории революции дает власть. Сам глава Правительства РФ: Д. А. Медведев в сентябре 2016 г., говоря конкретно о 100-летию Октябрьской революции, заявил: «Эта революция – очевидный пример того, как с утратой стабильности были, по сути, разрушены основы экономики и на долгие годы утрачены перспективы экономического роста».

Какой профессиональный историк или экономист после этого начнет объяснять главе Правительства, какие в реальности были «перспективы экономического роста» СССР, или даже сравнивать их с успехами экономической политики нынешнего Правительства? Таких чудачков среди историков и экономистов в России нет.

В прессе появились туманные исповедальные установки типа: «И у этих своя правда, и у тех своя правда. У всех есть своя правда – вот мы эти правды приняли и примирились!» Что это такое? Кто это придумал? Ведь понятие «правда» в таком контексте – грубая демагогическая метафора. Ах, у грабителя своя правда, а у ограбленного ведь тоже есть своя правда! Значит, они примирились.

Кто-то в Интернете предложил разделить революционеров по другому принципу: «У победителей и у жертв была своя правда». Эти две несоизмеримые категории («победители – жертвы») резко осложняют дело. Теперь мы должны будем понять «правду жертв» и «правду победителей». Победители – видимо, это те, кому посчастливилось избежать судьбы жертв? И как мы будем укреплять гражданское согласие их правнуков?

Чтобы успокоить вековые раны и обиды, не надо читать в сердцах и выпытывать у людей правду их предков. Разумно перевести разговор в плоскость рациональных понятий, тогда и можно будет разным общностям приблизиться к объективной картине. Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее. Это – наша национальная задача.

А ведь можно изложить простым и сухим языком, без призраков и фанфар, два больших стратегических проекта, которые предложили России две революции – Февральская и Октябрьская. Консервативный проект монархии был проверен и отведен без боя. Промежуточные проекты – националистов и анархистов – пока что можно отложить. Сейчас есть достаточно исторических материалов научного типа. Надо только составить популярное описание двух проектов с внятными структурами и с главными смыслами, а не с сенсационными эпизодами и эксцессами.

Официальная советская история нам представляла романтическую и упрощенную картины, думаю, чтобы быстрее закрыть раны Гражданской войны. Но сейчас нам всем насущно необходима реальная система противоречий первой четверти XX века, потому что сейчас мы

снова переживаем, в принципе, те же противоречия, но в новых условиях. Оттолкнуть урок 1917 года было бы преступлением перед внуками. На эмоциях мы из новой исторической ловушки не вылезем – такие революции повторять некому. Если она будет, то, судя по тенденциям, намного страшнее.

Попытка составить образы проектов Февральской и Октябрьской революций предлагается в этой книжке.

Предыстория: меньшевики и большевики

Доктрины Февральской и Октябрьской революций в разной степени и в разных направлениях восприняли и включили в себя установки марксизма. Но из-за этих различий доктрин шаг за шагом с 1903 до 1907 года вызревал раскол большевиков и меньшевиков. Эти две фракции спорили в их общей партии – РСДРП, – которая до 1918 г. формально была единой. Близкими к этой партии были два сообщества: «легальные марксисты», которые сдвинулись к «русскому либерализму» (Конституционно-демократическая партия, или «Партия народной свободы», *кадеты*), и радикальные социалисты-революционеры (*эсеры*).

Сначала скажем о меньшевиках и большевиках. Важный аспект – основоположники этих направлений принадлежали к двум разным поколениям и с разными картинами мира.

Первая российская социально-демократическая организация «Группа освобождения труда» была основана в эмиграции в 1883 году группой Плеханова, Игнатова, Засулич, Дейча и Аксельрода. Плеханов и его соратники ознакомились с опытом западноевропейского рабочего движения, изучили представления научного социализма. Группа «Освобождение труда» провозгласила свои основные цели и задачи так:

- перевод на русский язык важнейших трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также произведений их последователей для распространения идей научного социализма;
- критика народничества и разработка проблем русской общественной жизни с точки зрения теории марксизма.

Эта группа создала первую парадигму «русского марксизма», и почти все они были верны этой парадигме – Плеханов и меньшевики, а также «легальные марксисты», ставшие идеологами «русского либерализма» и мозговым центром Февральской революции.

Приведем несколько главных постулатов из учения Маркса, которые были включены в первую парадигму «русского марксизма»:

- «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории...

Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнильность» (Манифест Коммунистической партии. 1848).

- «Коммунизм в его первой форме... имеет двоякий вид: во-первых, господство *вещественной собственности* над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, *на началах частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...

Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет...

Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. ... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества...

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» (Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г.).

– «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из единственных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью...

Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» (Маркс К. Капитал).

– «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» (Энгельс Ф. О социальном вопросе в России. 1875).

Эти постулаты были предупреждениями революционерам западных культур, и в первую очередь – России.

В работе группы Плеханова очень важны были их непосредственные контакты с Марксом и его соратниками. Ф. Энгельс высоко оценивал деятельность группы «Освобождение труда». «Я горжусь тем, – писал он в 1885 г. В.И. Засулич, – что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»^[5].

В 1894 г. был создан «Союз русских социал-демократов за границей». Когда эта группа объединилась с ленинской «Искрой», вначале был период плодотворного сотрудничества Ленина и Плеханова, затем (в период 1901–1903 гг.) выявились между ними идейные разногласия, которые окончательно обострились после 2-го съезда РСДРП, что привело к разделению российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков.

Сохранилось мало сведений о критике внутри сообщества социалистического движения в России. Судя по дайджестам в Интернете, этому способствовал тот факт, что в 1930-е годы, когда активизировался процесс политизации исторической науки, произошло существенное упрощение «канонической» версии революционного движения и уничтожено множество документов и первоисточников, этой версии противоречивших. Отдельные отголоски критики и

полемики внутри марксистов сохранились в сочинениях Ленина, но до советской интеллигенции они не доходили.

Кратко отметим траекторию вождей меньшевиков. Засулич принимала активное участие в деятельности II Интернационала – была представительницей российской социал-демократии на трёх его конгрессах в 1896, 1900 и 1904 гг. Она и Плеханов были в переписке с Марксом и в личном контакте с Энгельсом.

О них пишут: «Вера Засулич с момента её приезда в Англию была одним из тех постоянных посетителей дома на Риджентс-парк-род (где жил Фридрих Энгельс), которые не нуждались в специальных приглашениях. Георгий Плеханов, её верный друг и товарищ по работе, один из способнейших теоретиков и остроумнейших людей в партии, ...разумеется, постоянно бывал у Энгельса во время своего краткого пребывания в Англии»^[6].

После Второго съезда РСДРП (1903) Засулич стала одним из лидеров меньшевизма. В апреле 1917 г. она подписала воззвание к гражданам России, призывая поддерживать Временное правительство, ставшее коалиционным. Октябрьскую революцию 1917 г. Засулич считала контрреволюционным переворотом, прервавшим нормальное политическое развитие буржуазно-демократической революции, и расценивала созданную большевиками систему советской власти зеркальным отражением царского режима.

Одним из организаторов Партии социалистов-революционеров (эсеров) и их Боевой организации была Е. К. Брешко-Брешковская – «бабушка русской революции». С ней сотрудничал П. Б. Аксельрод, она в 1904 г. приняла участие в работе конгресса II Интернационала.

Все эти люди входили в когорту рождения 1840–1850 гг. Вот годы их рождений: Аксельрод – 1849, Плеханов – 1856, Засулич — 1849, Брешко-Брешковская – 1844. Они приняли идеи и установки марксизма почти непосредственно из рук Маркса и Энгельса. Национальный состав меньшевиков (данные на 1907 год): 34 % русских, 29 % грузин, 23 % евреев.

Последователи лидеров меньшевиков в массе сохранили приверженность к их парадигме. Как вспоминает меньшевичка Лидия Дан, сестра Мартова, в 90-е годы XIX века для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Особую роль в формировании мировоззрения меньшевистской молодежи сыграли марксистские произведения Плеханова. Историк меньшевизма Л. Хеймсон пишет: «В этих работах молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности»^[7].

А вот когорта «10 знаменитых большевиков», лидером которых был Ленин (род. 1870): Преображенский Е. А. – 1886, Бухарин Н. И. – 1888, Троцкий Л. Д. – 1879, Каменев Л. Б. – 1883, Сталин И. В. – 1879, Калинин М. И. – 1875, Молотов В. М. – 1890, Дзержинский Ф. Э. – 1877, Зиновьев Г. Е. – 1883, Томский М. П. – 1880. Национальный состав делегатов большевиков на 5-м съезде РСДРП (1907): 78 % русских, 11 % евреев^[8].

Философы, идеологи и конструкторы Февральской и Октябрьской революций принадлежат к разным поколениям – с разрывом 20–25 лет. Это очень большой разрыв.

Основоположники меньшевизма и либерализма мировоззренчески выросли в атмосфере механистического детерминизма, когда в образованном слое господствовала картина мира, которая опиралась на ньютоновскую модель мироздания. На ней выросла политэкономия Адама Смита и Маркса, а также исторический материализм с теорией революции и формационным подходом. На этом стояло учение Маркса, столь жесткое, что Марксу и Энгельсу пришлось отвергнуть второе начало термодинамики.

В письме Марксу от 21 марта 1869 г. Энгельс называет концепцию энтропии «нелепейшей теорией»: «Я жду теперь только, что попы ухватятся за эту теорию как за последнее слово материализма. Ничего глупее нельзя придумать... И все же теория эта считается тончайшим и высшим завершением материализма. А господа эти скорее сконструируют себе мир, который начинается нелепостью и нелепостью кончается, чем согласятся видеть в этих нелепых выво-

дах доказательство того, что их так называемый закон природы известен им до сих пор лишь наполовину. Но эта теория страшно распространяется в Германии»^[9].

В «Диалектике природы» он пишет: «Излученная в мировое пространство теплота должна иметь возможность каким-то путем, – путем, установление которого будет когда-то в будущем задачей естествознания, – превратиться в другую форму движения, в которой она может снова сосредоточиться и начать активно функционировать». Энгельс специально подчеркивает, что видит выход в том, что можно будет «вновь использовать» излученную теплоту: «Вопрос будет окончательно решен лишь в том случае, если будет показано, каким образом излученная в мировое пространство теплота становится снова используемой».

Конец XIX – начало XX века было временем кризиса этой классической механистической картины мира и замены ее картиной необратимостей, неравновесия и нелинейных процессов. Эта картина переходов «порядок – хаос» сразу в ином свете представила системы противоречий. В этой атмосфере выросли вожди большевиков, начиная с Ленина.

Для нас и сейчас важно разобраться, почему у Ленина и большевиков при организации партии РСДРП сразу (1901–1903) возникли идейные разногласия с «образованными марксистами». Ведь и в кружках будущих большевиков проект будущего разрабатывался под знаменем марксизма – «Коммунистический Манифест», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Почему Плеханов и Засулич восприняли Октябрь как реакционный контрреволюционный переворот? А Аксельрод даже писал в «Политическом завещании»: «Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. ...Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Действительно, после 1905 г. Ленин стал отвергать догмы Маркса одну за другой. Апрельские тезисы, определившие проект Октябрьской революции, были ядром совершенно *иной парадигмы* антикапиталистической революции. Эта парадигма, заявлявшая себя как марксистская, выросла не из учения Маркса, а из реальности капиталистического империализма и судьбы стран и культур, которые были втянуты в периферию мирового капитализма.

Интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса, и новизна их инновации была лишь в том, что она происходила в иных месте и культуре. Они мыслили в рамках модерна XIX века, в парадигме *науки бытия*. А большевики мыслили в логике *науки становления*^[10].

Здесь необходимо отступление. Многие историки и политологи соглашались, что два поколения российских марксистов – меньшевики и большевики – мыслили и действовали в разных парадигмах. Но этому различию в нашем обществоведении не придавали большого значения, а многие об этом не знали. Это ошибка. Разные парадигмы – значит, эти общности видят *разные картины мира* (включая человека, общество, государства и т. д.). Они видят, изучают и оценивают разные факты, разные процессы и явления. Они по-разному понимают пространство и время, следуют разным способам и нормам мышления и объяснения, при разрешении внешне одной и той же проблемы они принимают разные решения.

Смена парадигмы произошла у части ученых в естествознании в начале XX века, а в гуманитарных и социальных науках довольствуются прежней парадигмой. Приведем краткую выжимку из описания этого сдвига в книге, полезной для нашей темы^[11]:

«В последние несколько веков источником парадигм, применяемых в социальной, политической, военной сферах, становилась наука, роль которой тем самым не ограничивалась границами научного познания. Например, ньютоновская наука дает всеохватывающую парадигму, характеризующую всю современную западную культуру. Это означает, что необходимо быть весьма осторожными при рассмотрении новых метафор и парадигм, потому что, внедряя идеи

и “картины мира” в основание мира, мы ведем к “постоянному изменению самих событий”. А мир часто оказывается катастрофически хрупким. С другой стороны, искусственное торможение процессов развития общества и появления новых парадигм также недопустимо, и “тот, кто не применяет новые средства, должен ожидать новых бедствий – время является величайшим новатором” (Френсис Бэкон)».

Питер Друкер отмечал, что «каждые несколько сотен лет в западной истории происходят резкие трансформации, в которых общество перестраивает себя: свое видение мира, базисные ценности, социальную и политическую структуры, свое искусство, основные институты. Пятьдесят лет назад это был новый мир, и люди, родившиеся тогда, не могли даже вообразить мир, в котором жили их прадеды и родились их собственные родители».

До последнего времени доминантной парадигмой Западного мира являлась ньютоновская (или линейная) парадигма. В своей основе она придерживается механистического видения мира – подхода, глубоко укорененного в сознании и мышлении западного человека. «Линейность предлагает структурную стабильность и делает акцент на равновесии. Она легитимизирует простые экстраполяции известного развития, масштабирование и разделение на части. Она обещает предсказуемость и, следовательно, контроль – действительно, очень мощная притягательность».

Свойства линейности включают пропорциональность, аддитивность, масштабируемость, редукционизм. Пропорциональность приводит к тому, что для линейных систем малое входное воздействие приводит к малому выходному отклику, большое воздействие – к большому. Аддитивность обеспечивает легитимность линейного редукционизма – практики разделения большой и сложной проблемы на ряд относительно небольших и менее сложных задач, через решение которых находится решение исходной проблемы. Если система является линейной, то обладание лишь частичной информацией о ее структуре и функциях чаще всего позволяет «вычислить» свойства и функции системы в целом.

Линейность пронизывает все стороны жизни западного общества. Метафорой линейной парадигмы могут служить механические часы – тонко настроенный механизм, работающий ровно и точно, тикающий предсказуемо, измеримо и надежно. Когда дела идут хорошо, то все «идет как часы», если организация хорошо работает, то о ней говорят как о «хорошо смазанной машине». Ньютоновская парадигма линейности оказалась такой ясной и простой, что была просто неотразима. Она навязывала регулярность и масштабируемость там, где ее не было. Для объяснения явлений она упрощала и линеаризировала процессы, идеализируя социальную и объективную реальность. Получающееся видение социальной реальности оказывалось мощным, технологичным и... узким. Как отмечает Ян Стюарт, за такой результат приходится платить соответствующую цену, заключающуюся в ограничении в видении рассматриваемых процессов, так как воображение и мышление оказывались фундаментально линейными. «Мы оказались в состоянии получить аналитические уравнения, которые обеспечивают предсказание, но только при неременном требовании, что системе не позволено слишком быстро меняться во времени.

Мы искусственно требуем, чтобы наши системы были стабильными в максвелловском смысле, и затем удивляемся проявлениям нестабильности, с которой сталкиваемся в реальном мире».

Главная неадекватность линейной парадигмы оказалась связана с неспособностью учитывать взаимодействия, так как она концентрируется на рассмотрении элементов, агентов рассматриваемых процессов, пренебрегая или абстрагируясь от взаимодействий. В большинстве случаев именно взаимодействия между агентами системы приводят к появлению нелинейности и необходимости разработки новой, нелинейной парадигмы. Ограниченность линейной парадигмы и необходимость поиска новых подходов была осознана достаточно недавно. Неявное допущение линейности, которая выступает в качестве нормы, пронизывает весь западный мир.

Под постньютоновской, или нелинейной, парадигмой подразумевается систематизация природных, общественных явлений и процессов в качестве нелинейного феномена. Нелинейные системы демонстрируют отсутствие пропорциональности и аддитивности, когда малые воздействия на входе системы могут приводить к большим откликам на выходах, а невозможность абстрагирования от взаимодействий не позволяет применить методов линейного редукционизма, позволяющих осуществить декомпозицию системы на ряд подсистем меньшего масштаба. При исследовании нелинейной системы недостаточно думать о ней только в терминах частей или аспектов, вычленяемых заранее, через анализ и комбинирование которых получаются характеристики системы в целом, то есть «целое оказывается больше, нежели сумма составляющих его частей». Результаты не должны предполагаться в качестве повторяемых, то есть попытки повторить один и тот же эксперимент наталкиваются на невозможность обеспечить его повторение.

Нелинейная динамика, приводящая к произвольной чувствительности к малейшим изменениям в начальных условиях, делает невозможным какое-либо повторение или предсказание результатов эксперимента – краеугольный принцип классических естественных наук¹. «Коннотация нелинейности включает в себе смесь угрозы и возможности. Нелинейность может генерировать нестабильность, разрывы, синергизмы и непредсказуемость. Но она также отдает должное гибкости, адаптивности, динамическим изменениям, инновации и оперативности».

В 1986 году сэр Джеймс Лайтхил (позже президент Международного союза чистой и прикладной математики) сделал необычное заявление: он извинился от имени ученых за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией».

В те времена было очевидно – и меньшевики-марксисты, и легальные марксисты кадеты, и эсеры, и западные социал-демократы – мыслили и проектировали будущее кардинально иначе, чем Ленин и его соратники. Поэтому проект Октябрьской революции был совершенно иной, чем у Февральской революции.

Это грубо выразил Антонио Грамши в статье об Октябрьской революции (5 января 1918 г.) под названием «Революция против “Капитала”»: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось»^[12].

Смена парадигмы русской революции у Ленина и в то же время использование большевиками марксизма в форме советской идеологии – важный раздел нашей новейшей истории. Важно потому, что наши молодые креативные марксисты уже в 1950-е годы раскопали главные труды Маркса, которыми было очаровано первое поколение русских марксистов, ставшее радикально антисоветским. А главное, что эти талантливые молодые марксисты воспитали «шестидесятников», а они посредством машины образования очаровали достаточную часть интеллигенции и номенклатуры, чтобы они через 70 лет совершили ремейк Февральской революции с криминальным оттенком.

¹ Разработкой компьютерной модели для предсказания погоды на основе достаточно простой системы нелинейных дифференциальных уравнений занимался Эдвард Лоренц. При определенных параметрах модель оказывалась чувствительной к параметрам на входе, незначительное изменение которых приводило к совершенно разным состояниям системы (1963). Явление получило название «эффекта бабочки»: взмах крыльев бабочки в одной точке земного шара может приводить к шторму в его противоположной точке.

Версию этого раздела истории сжато представим далее.

Советский истмат обходил такой важный факт: с 1901 г. Ленин начал спорить с Плехановым по принципиальным вопросам, а после 1905 г. так же принципиально стал спорить с главными установками Маркса. Хотя перед этим он блестяще выполнил завет Маркса – разгромить народников. Но тогда пять лет были целым периодом, и многие люди быстро осваивали развивающуюся реальность.

В 1897 г. Ленин пишет статью «От какого наследства мы отказываемся», где так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.». Затем написал ортодоксальную книгу «Развитие капитализма в России» (1899).

Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру – значит его разрушить».

Марксисты были уверены, что разрушение этого строя капитализмом быстро идет в России, Плеханов даже считал, что это уже состоялось. М. И. Туган-Барановский (легальный марксист) в своей книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Примерно то же самое писал и Ленин: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев».

А в 1908 г. Ленин пишет совсем иное: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что “диктатура пролетариата и крестьянства” (классическая постановка) противоречит “всему ходу хозяйственного развития”. “Противоречит всему ходу хозяйственного развития” – это ли не реакционность?!»^[13]

«Чудовищная, идиотская, ренегатская идея»! Так Ленин квалифицировал идею элиты российских марксистов, которые точно следовали учению Маркса. Как это объясняли наши академики и профессора? Ведь это был кардинальный поворот в политике и культуре. Никак не объясняли! Более того, так припорошили этот факт, что буквально все советское общество о нем забыло.

Теперь в этом надо разобраться, потому что этот резкий разрыв в представлениях о России и о её будущем воспроизвелся (в новых формах) в конце XX века. Именно это заставляет углубляться в дела столетней давности.

Сразу изложу мое личное предположение об условиях, которые подтолкнули Ленина и его сообщников-большевиков пересмотреть доктрину ортодоксальных марксистов. И эти условия не только подтолкнули, но и «позволили» произвести пересмотр доктрины.

Первое условие – отсутствие у Ленина личных контактов с Марксом и Энгельсом. На него и на большевиков не действовала харизма этих очевидно великих людей. Русские революционеры, которые общались с ними в эмиграции, пусть опосредованно, почти все были под их воздействием, даже видные народники. Среди революционных мыслителей было мало самостоятельных (таким, например, был Бакунин). А Ленин и его группа были свободны от психологического давления авторитета образа далеких вождей прошлого, потому что были отделены и от авторитетных меньшевиков.

Второе условие – малая доступность в России трудов Маркса и Энгельса, которые были бы важны и понятны русской молодежи начала XX в. Мне пришлось долго читать труды Ленина, написанные начиная с 1905 г., и в глаза бросалось, что он реально не опирался на главные труды Маркса, а использовал его гуманистические и пророческие афоризмы. На них и все мы учились, поэтому и не замечали этого у Ленина. Но в нашем положении в 1990-е годы пришлось углубиться в фолианты Маркса, особенно в его установки в отношении России, и это вызвало некоторое потрясение. Не ждали!

Сначала казалось, что Ленин, в его 35 лет, был таким изощренным и хитрым политиком, что замалчивал главные для русской революции суждения Маркса и внушал массе своих последователей, что именно он, Ленин, – истинный марксист, а меньшевики – ренегаты. Но за последние 15 лет, читая параллельно Маркса и Ленина, приходишь к более простому объяснению: суждений Маркса и Энгельса, которые были изложены во второстепенных статьях и письмах, Ленин не читал или не считал каноническими. Как и практически все большевики. Но оказалось, что эти суждения были главными для отношений между меньшевиками и большевиками, а значит, очень важными для русской революции. У Ленина просто не было времени копаться в старых газетах, рукописях и письмах Маркса. Собрания сочинений Маркса и Энгельса еще не было, их собрали только в 1950-х годах². А оригинальные непонятные рассуждения в известных трудах типа «Капитала» и «Немецкой идеологии» новое поколение в России опускало как неактуальные. Да и мало кто из них читал эти труды (как и сейчас).

Когда же у Ленина появилось достаточно времени, чтобы заняться штудированием учения Маркса – в эмиграции в 1915–1916 гг., он заполнил десять тетрадей конспектами и выписками из книг Маркса и его предшественников («Философские тетради», изданы в 1933 г.).

Ленин честно мучился, постигая мудрости диалектики. Вот небольшая часть его комментариев на полях «Философских тетрадей»: «здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное»; «почему “для-себя-бытие” есть “одно”, мне не ясно. Здесь Гегель сугубо тёмный, по-моему»; «темна вода»; «вообще всё “для-себя-бытие”, должно быть, отчасти понадобилось Гегелю для выведения того, как качество превращается в количество... сие производит впечатление большой натянутости и пустоты»; «переход количества в качество в абстрактно-теоретическом изложении до того тёмный, что ничего не поймёшь. Вернуться!»; «развитие понятия отношение сугубо тёмно»; «тут вообще тьма тёмного...»; «дальнейшее развитие всеобщего, особенного и отдельного в высшей степени абстрактно и тёмно. ... Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»; «рассуждения о “механизме” – дальше – сугубо тёмные и едва ли не сплошная чушь».

И вот главный результат штудирования Гегеля: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса, и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!».

Чтобы понять, как сложились парадигмы меньшевиков (и либералов) и большевиков, надо, во-первых, сравнить литературные источники этих групп – они очень различны. Лидеры и авторитеты меньшевиков читали свежие тексты Маркса и слушали его речи. Потом они передавали эти идеи и доводы своим последователям. В России эти источники были почти недоступны, просто из-за цензуры и полиции. Бакунин в 1869 г. перевел «Манифест Коммунистической партии», издал его в Женеве, а эту брошюру конфисковали на границе. Снова его перевел Плеханов в 1882 г., сколько экземпляров попало в Россию, неизвестно. С 1883 по 1900 г. группой Плеханова было опубликовано на русском языке около 30 работ основоположников

² На русском языке вышли: в 1927 г. рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права», в 1932 г. – «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса (полностью). В 1928–1947 гг. вышло 1-е издание сочинений Маркса и Энгельса, в 1955–1981 гг. – более полное 2-е издание (50 томов).

марксизма, в основном по философии. Но не философия вызвала раскол между меньшевиками и большевиками.

В июле – ноябре 1914 г. Ленин написал трактат «Учение Маркса», который был в 1915 г. напечатан (в неполном виде) в Энциклопедическом словаре Гранат, а потом в мае 1918 г. (Москва) в брошюре «Карл Маркс». Там в приложении даны ценные сведения о трудах Маркса, изданных в России. Эти труды почти все были напечатаны в брошюрах в 1905–1906 гг., во время революции (о некоторых брошюрах Ленин замечает: «большой частью конфискованных»). А дальше идет перечень трудов и писем Маркса на иностранных языках, которые Ленин считал полезными для членов партии.

Однако во всей этой библиографии не было не только издания, но и ни одной рекомендации статьи или письма Маркса или Энгельса, которые бы касались проблем русской революции и были бы предметом раскола между меньшевиками и большевиками. Не упомянуты разгромные тексты Маркса с критикой Бакунина, ни тексты с атаками на народников. Как будто не было полемики с Марксом и Энгельсом со стороны русских революционеров, особенно по поводу брошюры народника П. Ткачева «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» (1875), в котором он объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. А ведь, как писал через полвека Н. А. Бердяев, П. Н. Ткачев был «замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы» и что «Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс».

Для нас Ткачев важен тем, что он, обычно относимый к народникам, шел дальше их. Он, по словам Бердяева, «первый противопоставил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения, очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым. ...Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам. ...Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова»^[14].

Ответ Энгельса Ткачеву, написанный по просьбе Маркса, – большая статья «О социальном вопросе в России». Она была опубликована в 1875 г. в Лейпциге. Как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, этот труд «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В. И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества».

В 1894 г. Энгельс добавил к ответу на письмо Ткачеву «Послесловие» на 15 страницах. На русском языке «Послесловие» было опубликовано вместе с переводом статьи «О социальном вопросе в России» в Женеве. Перевод сделала Засулич, предисловие написал Плеханов. В этой брошюре Энгельс поставил точку над *i* в вопросе о революции в России:

«Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. ...Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства...»

Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, – только тогда

смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития...

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом... Оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности»^[15].

Этот и подобные тексты – категорическое отрицание той российской революции, которая произошла в 1917 г. в форме Октябрьской революции. Но фактически весь массив подобных текстов Маркса и Энгельса как будто исчез – Ленин их не упоминал, а молодежь в условиях революции и гражданской войны не имела доступа к этим текстам. Так возникло непримиримое противоречие, о котором старались не говорить, между большевиками и ортодоксальными марксистами.

Сейчас российские философы в энциклопедии пишут: «Вокруг “Капитала” развернулась многолетняя дискуссия с участием народников, западников-либералов, а затем и первых российских марксистов. Речь шла о применимости теории Маркса к России. В спорах речь шла о путях ее исторического развития (самобытный путь или следование за Западом по пути капитализма?).»

«На эту дискуссию Маркс прореагировал в *неотправленном* письме в редакцию журнала “Отечественные записки” (1877). В нем он высказался против превращения его теории в философско-историческую схему обязательного пути для всех народов. То же он писал и в письме к В. И. Засулич (1881). В нем он отметил, что русская община при определенных условиях может явиться точкой опоры социального возрождения России (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19)»^[16].

Последняя фраза этого фрагмента статьи *неверна*. Письмо Маркса к Засулич о русской общине (1881) *не было отправлено*. Мало того, Маркс, думая над ответом на вопрос Засулич, написал четыре текста – и ни одного не решился отправить. Это был красноречивый сигнал. Маркс верно оценивал потенциал русской крестьянской общины, но эта реальность настолько противоречила его стройному учению, что он решил не подрывать эту стройность. А сейчас многие авторы утверждают, что этим письмом к Засулич Маркс расширил свою концепцию и одобрил народников.

Вообще, странно, что за все время советского периода наши философы и историки ни разу не объяснили гражданам причины, по которым основоположники марксизма делали заявления, совершенно противоположные их коммунистическим устремлениям.

Ведь уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции, совершенной угнетенными народами, в «отставших» западных странах. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Меньшевики такие заявления проглотили, но человеку культурно-исторического типа «советский» это претило. Хорошо, что мало кто читал «Немецкую идеологию». Сейчас все это вылезло, и делать вид, что мы этого не знаем, просто глупо.

В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». Он в своей политической стратегии следовал изучению реальности, презируя свои вчерашние догмы, – но делал это, не расшатывая мышления своих соратников. Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тези-

сов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались – Плеханов, меньшевики, эсеры, Бунд, потом и троцкисты.

Все это привело к открытому конфликту в 1917 г., а в 1918 г. уже и к Гражданской войне.

Суть Октября как выбора, альтернативного марксизму, сразу отметили многие социал-демократы России и Европы – сразу после Апрельских тезисов. Лидер эсеров Чернов заявил это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Профессор социал-демократ П. Шиман писал в брошюре «Азиатизация Европы»: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы». И это было почти общим местом в рассуждениях о советской революции.

Немецкие социал-демократы 20-х годов XX века, продолжая линию Маркса, видели связь между большевиками и народниками. Видный социал-демократ Г. Штребель писал в 1921 г.: «Если большевики и воображали, что русских крестьян можно... завоевать на сторону коммунизма и коммунистического способа производства, то они лишь доказывали вновь, что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционизма, которые составляют специфическую сущность бакунизма»^[17].

Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Доводом для отрицания Октябрьской революции была марксистская догма, согласно которой антикапиталистическая революция должна произойти в развитых промышленных странах Запада, а русские революционеры должны действовать под контролем западных социалистов.

Вот суждение родоначальника российского марксизма Г. В. Плеханова относительно Октябрьской революции и капитализма: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему? Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами»^[18].

Сразу после революции, 28 октября 1917 г. Плеханов опубликовал открытое письмо петроградским рабочим, в котором предрекал поражение Октябрьской революции: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист».

Либер писал (в 1919 г.): «Для нас, “непереучившихся” социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, – Германия, Англия и Америка – вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений. Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противо-

положного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов. Эта теория очень старая; корни ее – в *славянофильстве*»^[19].

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в Петрограде, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией, а взять власть самим. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживавшие большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Внутренняя политика правительства Жордания была *социалистической*. На выборах Учредительного собрания (в начале 1919 г.) с большим преимуществом победили социал-демократы. Было создано однопартийное (социал-демократическое) правительство.

В Грузии была проведена аграрная реформа – земли рода Романовых конфисковали, часть земли из государственных фондов передали в частную собственность, предполагалась также передача бывших надельных и других земель в собственность для фермерских хозяйств. Из конфискованных помещичьих земель крестьянам в кредит было передано 340 тыс. десятин. Затем были национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19 % занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»³

К моменту Октябрьской революции партия меньшевиков потеряла популярность, во многом из-за своего широкого участия во Временном правительстве. На выборах в Учредительное собрание она набрала всего 2–3 % голосов.

Рассмотрим намерения и векторы русских либералов – кадетов.

³ Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был российским революционером и социалистом, поклонником Энгельса, после 1917 г. – руководителем Польской социалистической партии. Пилсудский был сослан в Сибирь по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов.

Русский либерализм. Кадеты

Это политическое и культурное сообщество сыграло важную роль в Февральской революции, затем в Гражданской войне. Проект, предложенный этим сообществом, стал частью доктрины реформы СССР и постсоветской России в конце XX века.

Единственной большой либерально-демократической партией в России в начале XX века была *Конституционно-демократическая партия* (в обиходе – кадеты). Кадеты были носителями «европеизированного» сознания и мечтали о преобразовании России парламентским путем по западному образцу. С точки зрения современных мыслителей (например, Явлинского), кадеты были идеальной партией. Они были приверженцами западной демократии и рыночной экономики, не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми административными или революционными мерами. Как говорили, кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи.

Становление их партии началось с издания с июля 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, «легальный марксист» Б. П. Струве. В 1903 г. возникли две организации – «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Они и образовали партию на съезде в октябре 1905 г. в Москве, на волне революции и с целью подготовки к выборам в Государственную думу. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею *социальной* революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*. На втором съезде, в январе 1906 г., к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы*.

Надо добавить, что 12 июня 1906 г. была учреждена другая либеральная партия – *Прогрессивная партия мирного обновления*. В ее фракцию в Думе входили 25–29 депутатов и до 40 «сочувствующих»^[20].

Кадеты получили большую поддержку со стороны еврейской буржуазии, которая приняла активное участие в революционном процессе в России. «Краткая еврейская энциклопедия» приводит такие слова С. Ю. Витте: «Почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии “Народной свободы”, которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврейству, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материальным».

Самое активное участие принимали кадеты в деятельности масонства, которое вновь начало свою деятельность в России в 1905 году. Так, А. М. Колюбакин, левый кадет, один из основателей партии кадетов (Партии народной свободы), с 1905-го член ЦК партии, член III Государственной думы, был в 1907 г. членом-основателем ложи «Полярная звезда» в Петербурге. В 1910 г. он был в числе основателей Верховного совета Великого востока народов России (ВВНР) – политической организации, которую учредили масонские ложи на съезде в 1912 г. В 1913–1914 гг. он был Генеральным секретарём ВВНР, а также членом ложи «Роз», объединявшей масонов – членов Государственной думы⁴.

К весне 1906 г. по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу – до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных – кадеты распространяли бесплат-

⁴ Надо отметить, что А. М. Колюбакин в 1893 г. был поручиком лейб-гвардии Измайловского полка и уволен из армии за либеральные идеи. Во время Первой мировой войны его не взяли в армию как политически неблагонадежного, он подал прошение царю о направлении в действующую армию, 21 января 1915 г. поднял свою роту в атаку в ночном бою и погиб.

ные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекались по несколько тысяч человек.

В ходе революции 1905 г. даже правые кадеты не выступали против революции *как принципа*, они лишь призывали «не делать из революции кумира». В их среде было ясно понимание того, что они как политическая сила были созданы демократическим движением масс и, по словам Ленина, рассчитывали «на массы, как на *пьедестал* своих успехов». Лидер кадетов П. Н. Милюков напоминал, что 17 октября 1905 г. (издание царского Манифеста о первой либеральной реформе) «наступило не одними усилиями партии народной свободы, – а усилиями, гораздо более решительными, партий, стоящих левее».

Милюков так определил границы пространства их партии: справа – это аграрии и промышленники, слева – сторонники вооруженного восстания и демократической республики. В буржуазной среде и в поместном дворянстве кадетов поначалу даже считали «красной» партией.

Кадеты были инициаторами создания в мае 1905 г. Союза Союзов – объединения профсоюзов служащих из «среднего класса». Но эта организация отказалась идти в русле либерального движения. Милюков, которого уже в июле сместили с поста ее председателя, сравнивал кадетов с курицей, которая высидела утят⁵. Он жаловался в воспоминаниях: «Я не предвидел, что очень скоро мне самому придется отойти от Союза Союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией».

Вне союза с «красными» кадеты не имели бы связи с массами и в то же время не представляли бы серьезного партнера для власти. Говоря о роли кадетов в революции 1905–1907 гг., Милюков обращался к противникам справа в Думе: «Мы оказались слабыми не потому, что вы были против нас. Вы пришли позднее, тогда вы сидели по домам. Мы оказались одни потому, что отошла от нас та самая левая сторона, в руководительстве которой вы нас обвиняете. Нас звали в министры тогда, когда считали, что мы – сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, – на черную силу. Вот почему нас уважали, пока нас считали революционерами. Но когда оказалось, что мы только строго конституционная партия, тогда надобность в нас прошла».

Витте считал, что либеральная позиция кадетов изначально была обречена на неудачу и что им надо было сдвинуться вправо. Он писал: «Если бы кадеты были со мной, они не оказались бы там, где находятся сейчас. ...Нужно было удержать то, что давали; нужно было стать октябристами».

Но и сдвиг вправо, по мнению Витте, вряд ли бы помог, потому что кадеты вызывали недоверие, ибо после разгрома революции «стали монархистами в силу обстоятельств, а не по убеждению».

Милюков объяснял, что партия кадетов «была “надклассовой” партией, не исключавшей даже тех надклассовых элементов, которые имелись в социализме. ...Ее взгляды поневоле разделялись всей той умеренной частью социализма, которая вместе с нею делала “буржуазную” революцию».

⁵ Эта аллегория Милюкова была очень точной: она повторилась и в 1917 г. Меньшевики и эсеры были руководителями Петроградского совета, а к началу ноября 1917 года большевики занимают до 90 % мест. Февральская революция сформировала Временное правительство, а в октябре его отодвинули от власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2016/11/02/pavel-rodkin-revolyuciya-1917-goda-yubiley-s-zhivym-smyslom>.

2.

URL: <http://www.svoboda.org/a/28101731.html>.

3.

URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/01/24/nasledie-1917-go-prishlo-vremya-lechit-nacionalnuyu-travmu.html>.

4.

Симонян Р. Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012. № 1.

5.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 260.

6.

Энгельс у себя дома // Смена. 1945. № 444. Ноябрь. URL: <http://smena-online.ru/stories/engels-u-sebya-doma>.

7.

Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия-XXI. 1995. № 7–8.

8.

Средний возраст в этой группе большевиков был менее 30 лет. А возрастной состав кадетов резко отличался: в возрасте 31–35 лет был только каждый пятнадцатый, а каждый третий был более 52 лет.

9.

Энгельс Ф. Соч. Т. 32.

10.

10 Мы не углубляемся в проблемы 1930–1940-х годов, но отмечаем, что важные сдвиги и изменения при высокой неопределенности приводили к противоречиям и в группе последователей Ленина. Наука становления еще не имела теорий, шли по пути проб и ошибок.

11.

Арзуманян Р. Парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. – М.: Издательский дом «РЕГНУМ», 2012.

12.

Gramsci A. La revolución contra «El capital». En: Gramsci A. Para la reforma moral e intelectual. Madrid, 1998. P. 35–39.

13.

Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. // Ленин В. И. Соч. Т. 47.

14.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. С. 59–60.

15.

Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Энгельс Ф. Соч. Т. 22.

16.

Русская философия: энциклопедия. – М., 2014. С. 362–365.

17.

Эта выдержка, как и утверждения Шимана и Либера, взяты из доклада, сделанного Н.И. Бухариным в 1926 г. Цит. по: Бухарин Н. И. Избранные сочинения. – М.: Политиздат, 1988. С. 277–314.

18.

Плеханов Г. В. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. Париж, 1921. Т. 1.

19.

Либер М. И. Социальная революция или социальный распад. Харьков, 1919.

20.

См.: Шелохаев В. В. Прогрессисты – партия предпринимателей и интеллектуалов // ПОЛИС. 1993. № 4.